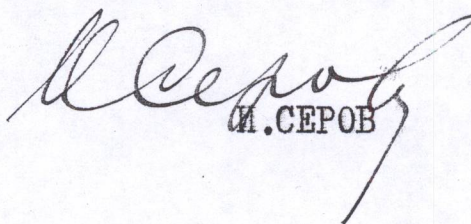

Совершенно секретно

X

Товарищу МОЛОТОВУ В.М.

Направляю Вам справку по вопросам, изложенным в протоколе Комиссии ЦК КПСС от 2 июля 1956 года.

И. СЕРОВ

" 7 " июля 1956 года

№ 1687-С

72-80201

Совершенно секретно

СПРАВКА

по материалам дела антисоветского
"право-троцкистского блока"

I. Возникновение дела

По делу антисоветского "право-троцкистского блока" были привлечены к уголовной ответственности и Военной Коллегией Верховного Суда СССР осуждены:

1. БУХАРИН Николай Иванович,
2. РЫКОВ Алексей Иванович,
3. ЯГОДА Генрих Григорьевич,
4. КРЕСТИНСКИЙ Николай Николаевич,
5. РОЗЕНГОЛЬЦ Аркадий Павлович,
6. ИВАНОВ Владимир Иванович,
7. ЧЕРНОВ Михаил Александрович,
8. ГРИНЬКО Григорий Федорович,
9. ЗЕЛЕНСКИЙ Исаак Абрамович,
10. ИКРАМОВ Акмаль,
11. ХОДЖАЕВ Файзулла,
12. ШАРАНГОВИЧ Василий Фомич,
13. ЗУБАРЕВ Прокопий Тимофеевич,
14. БУЛАНОВ Павел Петрович,
15. ЛЕВИН Лев Григорьевич,
16. КАЗАКОВ Игнатий Николаевич,
17. МАКСИМОВ-ДИКОВСКИЙ Вениамин Адамович
(Абрамович)
18. КРЮЧКОВ Петр Петрович -

к высшей мере уголовного наказания - расстрелу;

19. ПЛЕТНЕВ Дмитрий Дмитриевич -
к 25 годам тюремного заключения;

20. РАКОВСКИЙ Христиан Георгиевич -
к 20 годам тюремного заключения и

21. БЕССОНОВ Сергей Алексеевич -
к 15 годам тюремного заключения.

Как видно из материалов дела, до ареста БУХАРИНА Н.И., РЫКОВА А.И., КРЕСТИНСКОГО Н.Н. и других органы НКВД и Прокуратура СССР проверенными данными об организованной деятельности названных лиц и существовании т.н. "право-троцкистского блока" не располагали.

Имевшиеся к тому времени показания ЗИНОВЬЕВА, КАМЕНЕВА, СОКОЛЬНИКОВА и РЕЙНГОЛЬДА о преступной деятельности БУХАРИНА и РЫКОВА были отвергнуты Прокуратурой СССР как недостоверные.

Прокурор СССР ВЫШИНСКИЙ А.Я., проведя специальное расследование, пришел к выводу об отсутствии доказательств вины БУХАРИНА и РЫКОВА и в связи с этим 23 сентября 1936 года направил для согласования на имя СТАЛИНА И.В. проект постановления о прекращении уголовного преследования против БУХАРИНА и РЫКОВА, возбужденного по материалам процесса "троцкистско-зиновьевского центра".

Однако после этого органы НКВД развили бурную деятельность по сбору новых "доказательств" существования организованной антисоветской деятельности правых и в частности БУХАРИНА, РЫКОВА и ТОМСКОГО. В декабре 1937-феврале 1938 г. арестовываются участники так называемой бухаринской "школки" и появляются показания АСТРОВА, ЦЕТЛИНА, АЛЕКСАНДРОВА и других, в это же время начинает давать показания на БУХАРИНА, РЫКОВА и ТОМСКОГО и ранее осужденный по другому делу РАДЕК.

БУХАРИН и РЫКОВ, ознакомившись с предъявленными им материалами, категорически отрицали какую-либо свою вину в проведении антисоветской деятельности, они признавали лишь то, что в 1928-29 г.г. вели борьбу против генеральной линии партии,

но утверждали, что в последние годы искренне поддерживали руководство партии и не имели с ним никаких принципиальных расхождений. Отрицая свою вину, БУХАРИН, в частности, указывал на действительно имевшиеся серьезные противоречия и нелепости в показаниях арестованных и просил назначить для проверки их специальную следственную комиссию.

В феврале 1937 года после доклада ЕЖОВА Пленуму ЦК ВКП(б) БУХАРИН и РЫКОВ были арестованы.

Несколько ранее был привлечен к уголовной ответственности РАКОВСКИЙ Х.Г.

НКВД СССР в спецсообщении на имя СТАЛИНА И.В., испрашивая согласие на арест РАКОВСКОГО, указывал, что последний показаниями ПЯТАКОВА, КАСПАРОВОЙ, НИКОЛАЕВА, ТЕР-ВАГАНЯНА и других, а также агентурными материалами изобличается как один из активных участников троцкистско-зиновьевской террористической организации.

В действительности никаких агентурных материалов с преступной деятельности РАКОВСКОГО в органах НКВД не имелось, а показания названных выше лиц были неконкретны и сомнительны в своей достоверности.

Так, ТЕР-ВАГАНЯН, ссылаясь на СМИРНОВА И.Н., показал о том, что РАКОВСКИМ в 1932 году был "написан новый к-р. документ". Показаний же СМИРНОВА по этому поводу не имелось.

Арестованный НИКОЛАЕВ дал неконкретные показания о принадлежности РАКОВСКОГО к западному "особо законспирированному центру" в составе ПЯТАКОВА, СОКОЛЬНИКОВА и РАДЕКА, о чем ему якобы стало известно со слов ДРЕЙЦЕРА. Однако никто из указанных НИКОЛАЕВЫМ лиц таких показаний не давал.

КАСПАРОВА показала, что РАКОВСКИЙ в двурушнических целях заявил о своем отходе от оппозиции, а в действительности не порывал с ней и в 1933 году, излагая свои антисоветские суждения, в письмах сообщал ей о создании троцкистско-зиновьевского блока на террористической основе.

К делу на РАКОВСКОГО была также приобщена выписка из показаний ПЯТАКОВА, в которой указывается, что "У РАКОВСКОГО сущест-

вует какая-то своя линия связи о ТРОЦКИМ". В действительности же ПЯТАКОВ таких показаний не давал.

В марте-мае 1937 года были арестованы БЕССОНОВ С.А., ЗУБАРЕВ П.Т., ЯГОДА Г.Г., БУЛАНОВ П.П. и КРЕСТИНСКИЙ Н.Н.

На БЕССОНОВА имелись показания БУХАРЦЕВА о том, что БЕССОНОВ им был завербован в 1936 году в троцкистскую организацию, а также показания КУШНЕРА, характеризовавшего БЕССОНОВА как "неразоблаченного врага партии", допускавшего клевету на руководителей ВКП(б).

На ЗУБАРЕВА до его ареста, как видно из приобщенной к делу справки, имелись показания ЮЛИНА, МЕДНИКОВА и ЕЛЬКОВИЧ. Они называли его в числе руководителей контрреволюционной организации на Урале.

Какие материалы послужили основанием к аресту КРЕСТИНСКОГО, БУЛАНОВА и ЯГОДЫ из дела установить не представляется возможным.

В октябре-декабре 1937 года по показаниям ЯГОДЫ были арестованы КРЮЧКОВ и ЛЕВИН, а на основании показаний ЛЕВИНА тогда же арестованы ПЛЕТНЕВ, КАЗАКОВ и МАКСИМОВ-ДИКОВСКИЙ, обвинявшиеся в злодейском умерщвлении В.В.КУЙБЫШЕВА, В.Р.МЕНЖИНСКОГО, М.ГОРЬКОГО и его сына М.А.ПЕШКОВА.

Проходящие по настоящему делу ЗЕЛЕНСКИЙ И.А., ШАРАНГОВИЧ В.Ф., ГРИНЬКО Г.Ф., ИКРАМОВ А. и ХОДЖАЕВ Ф. были арестованы в июле-сентябре 1937 года.

Основанием к аресту ЗЕЛЕНСКОГО послужили показания обвиняемых ЛОБОВА и КОМАРОВА (в настоящее время оба реабилитированы) о том, что он присутствовал на антисоветских собраниях участников организации правых.

В отношении ШАРАНГОВИЧА фактически имелись показания только одного РАЧИЩКОГО, назвавшего его в числе участников антисоветской организации.

ХОДЖАЕВ был подвергнут аресту на основании показаний РЫСКУЛОВА и РЫКОВА.

РЫСКУЛОВ показал, что ХОДЖАЕВ вместе с ним в 1930 году вошел в состав антисоветского пантюркистского центра, который

5.

впоследствии установил связь с организацией правых и одобрил их террористические планы. А РЫКОВ о ХОДЖАЕВЕ сказал, что он "в той или иной степени" сочувствовал правым.

К моменту ареста ИКРАМОВА имелись показания АНТИПОВА, РУМЯНЦЕВА (оба реабилитированы), БУХАРИНА, ИРМАТОВА и БАЛТАБАЕВА о том, что он являлся одним из руководителей антисоветской националистической организации в Узбекистане.

Кроме того, арестованный АПРЕСОВ показал, что ему, как агенту английской разведки, в 1932 году стало известно о причастности ИКРАМОВА к английским разведорганам.

В октябре-ноябре 1937 года были арестованы РОЗЕНГОЛЬЦ А.П., ЧЕРНОВ М.А. и ИВАНОВ В.И.

О РОЗЕНГОЛЬЦЕ до его ареста показали ЛОГАНОВСКИЙ и РАКОВСКИЙ.

ЛОГАНОВСКИЙ утверждал, что РОЗЕНГОЛЬЦ, будучи наркомом внешней торговли, поддерживал подозрительные связи с представителями польского посольства в Москве и проводил вредительскую деятельность в области внешней торговли.

По показаниям РАКОВСКОГО РОЗЕНГОЛЬЦ проходит как агент английской разведки.

Арест ЧЕРНОВА был произведен на основании показаний РАДЧЕНКО о том, что он с 1931 года "был организационно связан с центром правых" и проводил вредительскую деятельность, и утверждений ГАЛЕВИУСА и ГАЙСТЕРА о том, что ЧЕРНОВ, как нарком земледелия, покровительствовал участникам вредительской организации в сельском хозяйстве.

В отношении ИВАНОВА имелись показания арестованных по другим делам КАМИНСКОГО и ГОРОХОВА о том, что они со слов других лиц знали о его принадлежности к антисоветской организации правых, и показание СОБОЛЕВА, что в его присутствии ИВАНОВ высказывал антисоветские суждения.

II. Сущность обвинения

БУХАРИН Н.И., РЫКОВ А.И., ЯГОДА Г.Г. и другие привлеченные по настоящему делу лица были признаны виновными в том, что они:

1. по заданию иностранных разведок организовали заговорщическую группу под названием "право-троцкистский блок", ставившую своей целью свержение существующего в СССР социалистического общественного и государственного строя, восстановление в СССР капитализма и власти буржуазии, расчленение СССР и отторжение от него в пользу иностранных государств Украины, Белоруссии, Средне-Азиатских республик, Грузии, Армении, Азербайджана и Приморья;

2. систематически занимались шпионажем в пользу иностранных государств, снабжая их разведки важнейшими государственными секретными сведениями.

В частности, КРЕСТИНСКИЙ и ЧЕРНОВ обвинялись в принадлежности к германским разведорганам, РОЗЕНГОЛЬЦ - германским и английским разведорганам, РАКОВСКИЙ - английским и японским разведорганам, ШАРАНГОВИЧ - польским разведорганам и ГРИНЬКО - польским и германским разведорганам;

3. систематически организовывали и осуществляли вредительские и диверсионные акты в различных отраслях промышленности, сельского хозяйства и транспорта;

4. организовали террористические акты против С.М.КИРОВА, В.В.КУЙБЫШЕВА, В.Р.МЕНЖИНСКОГО, А.М.ГОРЬКОГО, его сына М.А.ПЕШКОВА, а также пытались совершить отравление ЕЖОВА.

БУХАРИН, кроме того, был признан виновным в том, что в период заключения Брестского мира возглавлявшаяся им группа т.н. "левых" коммунистов вместе с группой ТРОЦКОГО и "левыми" эсерами пыталась сорвать заключение мирного договора, арестовать В.И.ЛЕНИНА, Я.М.СВЕРДЛОВА и И.В.СТАЛИНА и сформировать новое правительство из бухаринцев, троцкистов и "левых" эсеров.

На предварительном следствии и при рассмотрении дела в Военной Коллегии Верховного Суда СССР все арестованные признали себя виновными в предъявленном им обвинении.

Ш. Анализ следственных и агентурных материалов

В ходе проверки дела на участников т.н. "антисоветского право-троцкистского блока" были изучены относящиеся к ним следственные материалы, а также агентурные разработки, хранящиеся в КГБ при СМ СССР. Одновременно все обвиняемые, привлеченные к ответственности по настоящему делу, были проверены по государственному историческому и особому архивам, где хранятся материалы царской охранки и трофейные фонды германских, польских и французских разведывательных и контрразведывательных органов.

Все обвиняемые, привлеченные к ответственности по настоящему делу, признали себя виновными в пред"явленных им обвинениях. Однако, в ходе проверки выяснилось, что в большей своей части эти признания были вынужденными и не отражали истины.

Так, РАКОВСКИЙ Х.Г., показав о своем активном участии в "право-троцкистском блоке" и сотрудничестве с японскими и английскими разведорганами, после суда неоднократно заявлял о своей невинности и утверждал, что на следствии его принудили дать заведомо ложные показания.

[Агент "Анри",] содержащийся вместе с РАКОВСКИМ в Орловской тюрьме, 17 марта 1940 года доносил, что РАКОВСКИЙ:

"целиком опровергает свою вину, считая все, что было на процессе и следствии сплошной комедией. Иногда вскользь он утверждал, что все свои показания он дал под давлением".

(архивное дело №300956, т.9, л.д. 181)

Другой [агент "Дима",] также находившийся с РАКОВСКИМ в одной камере, 2 апреля 1941 года сообщил, что РАКОВСКИЙ в беседах с ним категорически отрицал свою причастность к право-троцкистскому блоку, говорил, что протоколы его допроса фальсифицировались и при этом заявлял:

"Я возмущался, когда АРОНСОН (следователь) написал протокол, в котором говорилось, что мы хотели восстано-
вить капитализм. "Слушайте, - сказал я ему, - ведь это
безграмотно". Он бросил скомканный протокол в лицо.
Вообще, когда я писал не так, как им хотелось, то они
всегда делали так ..."

(Там же л.д. 322)

Допрошенный 3 июля 1956 года бывш. сотрудник НКВД СССР
АРОНСОН Я.А. подтвердил, что следствие в отношении РАКОВСКОГО
действительно проводилось в обстановке грубого нарушения норм
социалистической законности.

После суда РАКОВСКИЙ, ссылаясь на своей преклонный воз-
раст и болезненное состояние, неоднократно подавал заявления,
в которых ходатайствовал о помиловании. Однако просьбы РАКОВ-
СКОГО оставались без удовлетворения.

В связи с этим 17 мая 1941 года [агенту "Финну"] РАКОВСКИЙ
говорил:

"Я решил изменить свою тактику: до сих пор я просил
лишь о помиловании, но не писал о самом моем деле.
Теперь я напишу заявление с требованием о пересмотре
моего дела, с описанием всех "тайн Мадридского двора" -
советского следствия. Пусть хоть народ, через чьи руки
проходят всякие заявления, знает, как у нас "стряпают"
дутые дела и процессы из-за личной политической мести.
Пусть я скоро умру, пусть я труп, но помните ... когда-
нибудь и трупы заговорят".

(Архивное дело №300956, т.9, стр.239-240)

Показания РАКОВСКОГО о якобы проводившейся им преступной
деятельности опровергаются также и тем, что названные им на
допросах, как его сообщники, ГВАХАРИЯ, БАБАЯН и САБАНИН в на-
стоящее время реабилитированы и дела на них прекращены. БОГО-
МОЛОВ, о котором РАКОВСКИЙ говорил как об участнике контррево-
люционной организации в суде виновным себя не признал.

КРЕСТИНСКИЙ в ходе следствия показал, что он являлся активным участником "антисоветского право-троцкистского блока" и в октябре 1933 года во время пребывания в отпуске за границей, при содействии БЕССОНОВА, в гор.Меране имел встречу с Л.ТРОЦКИМ и СЕДОВЫМ. Во время этой встречи ТРОЦКИЙ, по словам КРЕСТИНСКОГО, передал ему директиву о создании в Советском Союзе об"единенных сил троцкистов, правых и военных заговорщиков; о необходимости применения в борьбе террора, вредительства и диверсий, а также о заключении соглашений с иностранными правительствами для свержения советского государственного строя.

Однако, эти показания КРЕСТИНСКОГО не находят подтверждения в оперативных материалах ИНО НКВД СССР, осуществлявшего агентурное наблюдение за ТРОЦКИМ за границей. В архивных документах ИНО НКВД не имеется никаких данных о пребывании ТРОЦКОГО и СЕДОВА в Меране, нет также данных и вообще о их встрече с КРЕСТИНСКИМ.

Сам ТРОЦКИЙ после опубликования материалов процесса корреспонденту газеты "Нью-Йорк Геральд Трибюн" заявил, что он

"... не имел никаких сношений с КРЕСТИНСКИМ, начиная с 1927 года и не встречался, а также не переписывался с ним непосредственно или через третье лицо.

... он никогда не был в Меране и до получения информации сегодня от своего секретаря не знал, где находится это место ..."

(арх.дело №13005, т.3, л.д.285)

БЕССОНОВ, подтвердив на допросах факт встречи КРЕСТИНСКОГО с ТРОЦКИМ и СЕДОВЫМ в 1933 году в гор.Меране, после суда заявлял, что все его показания являлись вымышленными.

Агент "Благин", содержащийся с БЕССОНОВЫМ в Соловецкой тюрьме, 6 мая 1939 года сообщил, что БЕССОНОВ о процессе по делу "антисоветского право-троцкистского блока" отзывался так:

"Весь процесс это сплошная выдумка НКВД, никаких истинных преступлений никто из обвиняемых не совершал..."

(арх.дело №101492, т.1, л.д.27)

Другой [агент "Никитин"] 29 сентября 1939 года доносил:

"БЕССОНОВ о процессе право-троцкистского центра (1938 г.) говорил, что весь он представляет из себя сплошное надувательство, очень грубую фальсификацию. Что, например, КРЕСТИНСКИЙ действительно еще в 1922 г. и последующих годах принимал деньги от германского правительства и передавал ТРОЦКОМУ, но что все это не представляет из себя ничего контрреволюционного, т.к. по Версальскому договору Германия не могла обучать на своей территории военные кадры, то она сговорилась с СССР об организации нескольких военных школ в Казани и других городах СССР и за это платила деньги полпреду КРЕСТИНСКОМУ для Наркомвоенмора ТРОЦКОГО. Об этом было известно в партийных и советских кругах руководителей".

(арх.дело №101492, т.2, л.д.83-84)

29 апреля 1939 года [агент "Грачев"] по этому же поводу сообщал:

"Характеризуя процесс как просто "комедию" з/к БЕССОНОВ говорил, что все, что говорилось на процессе обвиняемыми - это были принужденные показания и в самом деле никто не замыслил против советской власти ничего".

(там же, т.1, л.д.22)

В ходе проверки получены и другие данные, бесспорно свидетельствующие о вымышленности показаний КРЕСТИНСКОГО и БЕССОНОВА.

На допросе 28 октября 1937 года КРЕСТИНСКИЙ, например, показал, что участники право-троцкистского блока, подготавливая свержение советской власти, обсуждали вопрос об образова-

нии нового правительства, в состав которого намеревались включить своих сообщников: РАДЗУТАКА, АНТИПОВА, АКУЛОВА, ЛОБОВА, УНШЛИХТА, КАМИНСКОГО, БОЛОТИНА, КАЛМАНОВИЧА, УХАНОВА и АНТОНОВА-ОВСЕЕНКО.

Эти лица в свое время были арестованы и привлечены к ответственности по обвинению в проведении организованной антисоветской деятельности. В 1955-1956 г.г. дела на РУДЗУТАКА, АНТИПОВА и других названных выше лиц, были проверены и Военной Коллегией Верховного Суда СССР прекращены за отсутствием в действиях обвиняемых состава преступления.

В настоящее время также реабилитированы ГАМАРНИК, КНОРИН, РУМЕНЦЕВ, ВЕГЕР и другие, о которых КРЕСТИНСКИЙ показывал, как о "врагах народа".

В свете изложенного показания РАКОВСКОГО, КРЕСТИНСКОГО и БЕССОНОВА о якобы совершенных ими преступлениях признаны быть состоятельными никак не могут.

БУХАРИН, помимо участия в антисоветском право-троцкистском блоке, обвинялся в том, что в 1918 году, действуя в сговоре с ТРОЦКИМ и лидерами левых эсеров, он организовал заговор, ставивший целью сорвать Брестский мир, свергнуть советское правительство, арестовать и убить В.И.ЛЕНИНА, И.В.СТАЛИНА, и Я.М.СВЕРДЛОВА. Наряду с этим, БУХАРИНУ вменялось в вину и осуществление эсеркой Ф.КАПЛАН злодейского покушения на жизнь В.И.ЛЕНИНА.

Это обвинение было основано на показаниях арестованных по другим делам МАНЦЕВА, КАРЕЛИНА, КАМКОВА, ЯКОВЛЕВОЙ и ОСИНСКОГО.

На предварительном следствии, как это говорится в обвинительном заключении, подписанном ВЫШИНСКИМ, БУХАРИН "под тяжестью улик" показал:

"Я должен признать, что у нас был непосредственный контакт с "левыми" эсерами, который базировался на платформе насильственного свержения советского правительства

во главе с ЛЕНИНЫМ, СТАЛИНЫМ и СВЕРДЛОВЫМ, с последующим арестом ЛЕНИНА, СТАЛИНА и СВЕРДЛОВА и созданием нового правительства из "левых" коммунистов и "левых" эсеров".

(арх. дело №967582, т. 5, л. д. 122)

Вопрос о сговоре БУХАРИНА с "левыми" эсерами расследовался еще до ареста БУХАРИНА, причем последний категорически отрицал наличие у него когда бы то ни было преступной связи с "левыми" эсерами. На очной ставке с арестованным АСТРОВЫМ, производившейся 13 января 1937 года в ЦК ВКП(б), БУХАРИН на вопрос И.В.СТАЛИНА ответил:

"Какой смысл мне врать насчет Брестского мира. Однажды пришли левые эсеры и сказали: "давайте создадим кабинет. Мы арестуем ЛЕНИНА и составим кабинет". Я это после рассказал Ильичу. "Дайте мне честное слово, что вы об этом никому не скажете" - сказал Ильич. Потом, когда я дрался вместе с вами против ТРОЦКОГО я это привел в качестве примера, вот до чего доводит фракционная борьба. Это произвело тогда взрыв бомбы".

Существенно изменив эти показания в ходе предварительного следствия, БУХАРИН признал, что в 1918 году состоял в сговоре с "левыми" эсерами. Однако на судебном процессе в последнем слове БУХАРИН в свои прежние показания внес такие коррективы, которые по существу свели на нет его признания о намерении в блоке с "левыми" эсерами совершить арест и убийство ЛЕНИНА, СТАЛИНА и СВЕРДЛОВА. БУХАРИН, в частности, заявил:

"Я признаю тот факт, что был один разговор с КАРЕЛИНЫМ и КАМКОВЫМ, причем инициатива шла от "левых" эсеров, насчет ареста на 24 часа ЛЕНИНА и дальнейшем блоке с "левыми" эсерами. Но на первый разговор ответ был отрицательным, а насчет того, что впоследствии при посредстве ПЯТАКОВА велись переговоры с "левыми" эсерами и это можно рассматривать, как сформулировал, если не ошибаюсь,

гражданин Прокурор, как попытку свержения советской власти насильственным путем — это я признаю, такой момент был. Намерение физического уничтожения — это я категорически отрицаю, и здесь никак не поможет та логика, о которой говорил гражданин государственный обвинитель"

(арх. дело №967582, судебный отчет стр. 684)

Показания арестованного МАНЦЕВА относительно сговора БУХАРИНА с "левыми" эсерами о свержении советской власти и аресте ЛЕНИНА, СТАЛИНА и СВЕРДЛОВА не могут быть признаны достоверными, поскольку МАНЦЕВ давал их после того, как был осужден к расстрелу. Из материалов дела на МАНЦЕВА видно, что он был арестован 22 октября 1937 года по обвинению в принадлежности к троцкистской террористической организации. Признав себя в этом виновным, он показал, что его активной антисоветской деятельности предшествовала борьба против партии в группе т. н. "левых коммунистов", возглавлявшейся БУХАРИНЫМ. Однако о связи БУХАРИНА с "левыми" эсерами в 1918 году МАНЦЕВ тогда ничего не показывал.

25 декабря 1937 года Военной Коллегией Верховного Суда СССР МАНЦЕВ был осужден к расстрелу. В соответствии с законом от 1 декабря 1934 года приговор в отношении МАНЦЕВА подлежал немедленному исполнению, о чем имелось специальное упоминание в тексте приговора. Тем не менее этот приговор длительное время не исполнялся, а 31 января 1938 года от МАНЦЕВА были получены показания о том, что в 1918 году БУХАРИН вступил в сговор с "левыми" эсерами с целью свержения советской власти и ареста ЛЕНИНА, СТАЛИНА и СВЕРДЛОВА. После того как МАНЦЕВ дал такие показания, по протесту Председателя Верховного Суда СССР, приговор о его расстреле был отменен и дело направлено на исследование. Спустя четыре месяца после процесса по делу антисоветского право-троцкистского блока, на котором МАНЦЕВ выступил в качестве свидетеля, он без производства исследования был вновь

осужден к высшей мере наказания и 19 августа 1938 года расстрелян.

Другой свидетель обвинения, выступавший на процессе по делу антисоветского блока, бывший член ЦК партии "левых" эсеров КАМКОВ Б.Д., как видно из показаний арестованного БРЮХАНОВА, содержавшегося вместе с ним в одной камере заявлял ему:

"Все три последние процессы такой же шантаж, как и предыдущие. В них нет ни капли правды. Никакой контрреволюционной заговорщической работы не было ни у ЗИНОВЬЕВА, ни у БУХАРИНА. Шпионаж, диверсии, вредительство, террор, умершвления — все сплошной обман, офабрикованный НКВД. Показания добыты у обвиняемых пытками, шантажом, избиениями, угрозами, угрозами расправиться с семьями, арестами жен и т.п. средствами физического и психического воздействия. Одновременно применялись средства подкупа, задабривания обвиняемых, обещалась жизнь и проч..."

(арх.дело №967389 отдельный пакет)

После окончания процесса БУХАРИНА и других КАМКОВ был предан суду по обвинению в том, что примыкал к нелегальной террористической организации в Архангельске и распространял в тюрьме среди арестованных "гнусную клевету в связи с прошедшими судебными право-троцкистскими процессами".

29 августа 1938 года при рассмотрении дела в Военной Коллегии Верховного Суда СССР КАМКОВ виновным себя ни в чем не признал и был приговорен к расстрелу.

Во время пребывания БУХАРИНА под стражей к нему в камеру помещался арестованный ЗАРИЦКИЙ Н.Д., который, будучи допрошен 3 июля 1956 года, показал:

"С БУХАРИНЫМ я пробыл в течение 4-5 месяцев, до исполнения приговора в отношении его ...

Еще в процессе следствия, и особенно в течение судебного процесса, БУХАРИН возмущался неправильностью пред"являемых ему обвинений. Он мне говорил, что его обвиняют в подготовке к совершению террористических актов

против руководителей Партии и Правительства, в попытке совершить террористический акт против ЛЕНИНА.

Он пытался убедить меня, что он все последние годы был очень близок к ЛЕНИНУ, вхож был в его семью, был по существу на положении сына, и никак не мог даже думать о совершении какого-либо акта, направленного против ЛЕНИНА.

Он также говорил мне о том, что лично хорошо относился к СТАЛИНУ, что СТАЛИН в ряде случаев оказал ему и его родственникам содействие в бытовых вопросах и потому он никогда не мог и помышлять об его убийстве.

БУХАРИН возмущался, что его допрашивают о каких-то преступных связях с лицами, которых он вообще никогда не знал.

Когда шел судебный процесс БУХАРИН мне заявил, что на суде люди дают вымышленные показания, говорят о существовании центра, в который якобы входил и он, хотя о существовании такого он не имеет понятия".

До ареста и находясь под следствием БУХАРИН длительное время не признавал себя ни в чем виновным. За это время он написал много писем и заявлений на имя И.В.СТАЛИНА, в которых доказывал свое алиби. Это, а также и приведенные выше факты свидетельствуют о том, что к последующим признаниям БУХАРИНА нельзя относиться с доверием. Тем более, что в результате проверки установлено, что значительная часть его показаний бесспорно опровергнута, как вымышленная. В частности полностью реабилитированы 15 партийных и советских работников, которые фигурируют в показаниях БУХАРИНА, как его сообщники.

РЫКОВ на следствии и в суде признал, что являлся руководящим участником антисоветского право-троцкистского блока и проводил активную вражескую деятельность.

Проверкой однако установлено, что эти показания РЫКОВА в подавляющей части являются ложными.

9 августа 1937 года РЫКОВ, например, заявил:

"На предыдущих допросах, давая показания о резервных кадрах нашей организации, я не сказал основного, а именно, что по директиве центра правых, в частности, по директиве, переданной мною АНТИПОВУ, был создан резервный центр организации правых. В состав этого центра вошли: АНТИПОВ, СУЛИМОВ, УХАНОВ, СЫРЦОВ и ХАЛАТОВ".

(арх. дело №67582, т. I, л. д. 138)

Эти показания РЫКОВА являются полностью вымышленными, ибо, как выяснилось при проверке, АНТИПОВ, СУЛИМОВ, УХАНОВ, СЫРЦОВ и ХАЛАТОВ в прошлом были арестованы по обвинению в принадлежности к контрреволюционной организации правых необоснованно, в связи с чем в 1955-1956г.г. они полностью реабилитированы.

На допросе от 23 июня 1937 года РЫКОВ показал:

"...центральной фигурой организации правых на Урале был КАБАКОВ, которого мы тщательно законспирировали. КАБАКОВА я лично в процессе неоднократных бесед вовлек в организацию правых... КАБАКОВА, как крупнейшего члена нашей организации, я держал в курсе наших заговорщических планов. В частности, КАБАКОВ был мною посвящен в план т.н. дворцового переворота".

(Арх.дело № 967582, т.1, л.д.97-99)

КАБАКОВ в 1937 году был арестован на основании этих показаний и осужден к расстрелу. В настоящее время КАБАКОВ реабилитирован.

В ходе следствия РЫКОВ также показал, что с 1928 года в Ленинграде существовал центр организации правых, в который входили АНТИПОВ, ЛОБОВ, КОМАРОВ, ЖУКОВ, УГАРОВ, КОДАЦКИЙ и ЧУДОВ.

При проверке выяснилось, что и эти показания РЫКОВА не соответствуют действительности. Все названные выше лица ныне реабилитированы.

Из показаний РЫКОВА видно, что КАРАХАН, якобы являвшийся участником организации правых, по заданию ТОМСКОГО, вел переговоры с представителями фашистской Германии, которым дал понять, что, в случае прихода право-троцкистского блока к власти, для капиталистических стран будут сделаны известные уступки.

Эти показания РЫКОВА также не находят подтверждения, поскольку КАРАХАН, привлеченный в 1937 году к ответственности, в суде виновным себя ни в чем не признал.

В показаниях РЫКОВА фигурирует и тов. П. ТОЛЪЯТТИ, как человек, разделяющий взгляды правых и сочувственно относящийся к их борьбе против ЦК ВКП(б). Вымышленность этих показаний говорит сама за себя.

Из числа записанных в показаниях РЫКОВА его сообщников, к настоящему времени реабилитировано свыше 30 человек.

Несостоятельные показания о преступной деятельности дал и обвиняемый ШАРАНГОВИЧ.

Так, на допросе от 13 августа 1937 года ШАРАНГОВИЧ заявил, что к организованной антисоветской деятельности он был привлечен в 1932 году СУЛИМОВЫМ, а в 1933 году бывш. 3-й секретарь ЦК компартии Белоруссии ЖЕБРОВСКИЙ завербовал его для работы в пользу польской разведки.

Позже ШАРАНГОВИЧ несколько изменил свои показания и стал утверждать, что к сотрудничеству с польской разведкой он был привлечен сотрудником посольства СССР в Варшаве ВНОРОВСКИМ.

Проверкой однако установлено, что СУЛИМОВ и ЖЕБРОВСКИЙ, как невинно осужденные, ныне реабилитированы. Что касается ВНОРОВСКОГО, то в архивных материалах разведорганов буржуазной Польши никаких данных о его связи с польской разведкой не обнаружено.

Вместе с тем, ШАРАНГОВИЧ на следствии утверждал, что по шпионской работе он якобы был связан с БОГУЦКИМ и СЛАВИНСКИМ. БОГУЦКИЙ и СЛАВИНСКИЙ, осужденные в прошлом как государственные преступники и шпионы, в настоящее время реабилитированы.

Также прекращены за отсутствием состава преступления дела и на ряд лиц, которых ШАРАНГОВИЧ называл как участников контрреволюционной организации, и в том числе на бывш. председателя СНК Белорусской ССР ГОЛОДЕДА.

РОЗЕНГОЛЬЦ, ГРИНЬКО, ЧЕРНОВ, ИКРАМОВ и ХОДЖАЕВ дали на следствии показания, тоже не внушающие доверия.

18.

РОЗЕНГОЛЬЦ, признав себя виновным в принадлежности к антисоветскому право-троцкистскому блоку, показал:

"После ареста РЫКОВА я осуществлял контакт с правыми через РУДЗУТАКА и частично через АНТИПОВА и ЖУКОВА...

Я сообщил РУДЗУТАКУ о вредительской работе, которую провожу во внешней торговле, о связи с ТРОЦКИМ. В конце 1936 года (или начале 1937 года) я имел с РУДЗУТАКОМ подробный разговор о последнем периоде моих деловых отношений с РЫКОВЫМ и о согласованной ранее наметке состава будущего правительства".

(Арх. дело № 967582, т. 6, л. д. 38-39)

Как показал далее РОЗЕНГОЛЬЦ, РУДЗУТАК внес предложение ввести в состав нового правительства АНТИПОВА, ЛОБОВА, ЖУКОВА, КОДАЦКОГО и КОМАРОВА.

Названные РОЗЕНГОЛЬЦЕМ РУДЗУТАК, АНТИПОВ, ЛОБОВ, ЖУКОВ, КОДАЦКИЙ и КОМАРОВ, как это уже упоминалось выше, в настоящее время реабилитированы.

В 1955-1956 г.г. также прекращены дела за отсутствием состава преступления на МУРАДЬЯНА, ЭЛИАВА Ш., РАБИНОВИЧА, ШИНДЕЛЯ, БЕЛЕНЬКОГО Б.С., КАНДЕЛАКИ, СУДЬИНА, ВЕЙЦЕРА и других, о которых РОЗЕНГОЛЬЦ на следствии упоминал, как о своих сообщниках по вражеской деятельности.

То же самое следует сказать о показаниях ГРИНЬКО и ЧЕРНОВА. Последний, например, на следствии утверждал, что летом 1936 года, по указанию РЫКОВА, он связался с участником западного центра правых ЛЮБИМОВЫМ и от него узнал о том, что в состав этого центра входили БУБНОВ и БАУМАН. Как далее показал ЧЕРНОВ, свою вражескую деятельность он контактировал с троцкистами через РУХИМОВИЧА.

Все эти лица ныне реабилитированы, поскольку установлено, что все они были осуждены по ложным материалам.

Проверкой установлено, что ГРИНЬКО и ЧЕРНОВ подписали вымышленные показания в отношении 46 человек ответственных советских и партийных работников, дела на которых сейчас прекращены за отсутствием в их действиях состава преступления.

ИКРАМОВ в ходе следствия давал крайне путанные показания. Вначале ИКРАМОВ утверждал, что, являясь одним из лидеров националистической организации, он в 1935 году через АНТИПОВА установил связь с центром правых.

По словам ИКРАМОВА, АНТИПОВ тогда ориентировал его, что:

"Руководящий центр правых в борьбе против советской власти считает необходимым применять все доступные... средства, как-то вооруженное восстание, вредительство в различных отраслях народного хозяйства, диверсию и террор против руководителей партии и советского правительства".

(Арх. дело № 967582, т. 12, л. д. 94)

Одновременно ИКРАМОВ признал, что по его директивам в Узбекистане в широких масштабах проводилась вредительская работа. Обращает, однако, на себя внимание тот факт, что в ряде случаев показания ИКРАМОВА о конкретной вредительской деятельности были явно надуманными. Так, на допросе 10-12 октября 1937 года ИКРАМОВ заявил, что он и его сообщники:

"...умышленно отрицали партийное просвещение за счет марксистско-ленинского воспитания масс; мы пропагандировали необходимость изучения общеобразовательных предметов или, как мы говорили между собой, поднимали общий уровень без марксизма...

Половину изданной на узбекском языке политграмоты Ингулова продали в другие республики, несмотря на крайнюю нужду в ней в Узбекистане".

(Арх. дело № 967582, т. 12, л. д. 55)

На допросе от 28 февраля 1938 года ИКРАМОВ, ничем не мотивируя, существенно изменил свои показания о времени и обстоятельствах установления блока с правыми, заявив, что контакт с центром правых им был установлен не в 1935, а в 1933 году, и не через АНТИПОВА, а через БУХАРИНА. При этом ИКРАМОВ показал, что в состав центра правых входили БУХАРИН, РЫКОВ, ТОМСКИЙ и УГЛАНОВ.

ТОМСКИЙ, как известно, в 1936 году покончил жизнь самоубийством. В предсмертном письме, в адрес И.В. Сталина, ТОМСКИЙ указывал, что, ознакомившись с определением суда о привлечении его к следствию в связи с показаниями арестованных по делу "Объединенного троцкистско-зиновьевского террористического центра", он отвергает выдвинутые против него обвинения, как клеветнические. Не отрицая своих прошлых политических ошибок, ТОМСКИЙ вместе с тем писал, что он не может перенести, когда его ставят в один ряд с фашистами, а поэтому кончает жизнь самоубийством и желает партии новых великих побед.

Названный ИКРАМОВЫМ в качестве члена центра правых УГЛАНОВ, будучи арестован, в суде показал, что он до 1933 года проводил активную оппозиционную деятельность, но затем никакой антипартийной работы не вел.

Вызывают серьезные сомнения в правдоподобности и показания ХОДЖАЕВА о его преступной деятельности. ХОДЖАЕВ, в частности, утверждал, что в 1928 году бывш. председателем госплана Узбекской ССР БУРНАШЕВЫМ он был привлечен к преступной работе по отторжению Узбекистана от СССР.

Произведенной проверкой установлено, что упоминаемый в показаниях ХОДЖАЕВА БУРНАШЕВ был в прошлом осужден невинно, в связи с чем Главной Военной Прокуратурой сейчас поставлен вопрос о его реабилитации.

Хотя ЗЕЛЕНСКИЙ, ИВАНОВ и ЗУБАРЕВ и признали себя виновными по всем пунктам предъявленного обвинения, однако показа-

ния их об участии в заговоре правых не внушают доверия. Сын-ше 30-ти человек из числа советского и партийного актива, о которых ЗЕЛЕНСКИЙ, ИВАНОВ и ЗУБАРЕВ показывали как о своих сообщниках по преступной деятельности, в настоящее время реабилитированы, ибо доказана полностью их невиновность.

ЗЕЛЕНСКИЙ, ИВАНОВ и ЗУБАРЕВ, помимо участия в антисоветском право-троцкистском блоке, обвинялись также в сотрудничестве с царской охранкой.

Проверкой установлено, что показания ЗЕЛЕНСКОГО, ИВАНОВА и ЗУБАРЕВА о их сотрудничестве с царской охранкой не находят достаточного подтверждения в материалах Государственного исторического архива, хранящего фонды полицейских органов и корпуса жандармов царской России.

По данным архива, с Самарским губернским жандармским управлением с 1916 года сотрудничал агент "Слепой" — ЗЕЛЕНСКИЙ Исай Абрамович. Обвиняемый же по настоящему делу ЗЕЛЕНСКИЙ Исаак Абрамович в 1915 году по постановлению Особого совещания при министре внутренних дел за принадлежность к РСДРП из Сормова был выслан на три года под гласный надзор полиции в Иркутскую губернию.

Из документов Государственного исторического архива также усматривается, что ЗЕЛЕНСКИЙ имел брата по имени Исай.

В отношении же ИВАНОВА и ЗУБАРЕВА никаких документов, которые могли бы хотя бы косвенно подтвердить их причастность к царской охране в архивах не обнаружено. Однако ЗУБАРЕВ, в частности, изобличался в суде также и показаниями бывшего пристава ВАСИЛЬЕВА, который показал, что он завербовал ЗУБАРЕВА.

При наличии таких материалов дать категорическое заключение по вопросу о причастности ЗЕЛЕНСКОГО, ЗУБАРЕВА и ИВАНОВА к царской охране в настоящее время нельзя. Эти обстоятельства подлежат дополнительной проверке.

В приписываемой подсудимым по делу "антисоветского право-троцкистского блока" практической преступной деятельности важнейшее место отводилось организации убийств А.М.Горького, В.В.Куйбышева, В.Р.Менжинского, сына Горького - М.А.Пешкова, а также покушению на отравление Ежова.

Это обвинение предъявлялось лидерам право-троцкистского блока, в том числе и ЯГОДЕ, и привлеченным к ответственности по делу известным врачам ПЛЕТНЕВУ Д.Д., ЛЕВИНУ Л.Г., КА-ЗАКОВУ И.Н., бывшему секретарю НКВД СССР БУЛАНОВУ, секретарю А.М. Горького - КРЮЧКОВУ П.П. и помощнику В.В.Куйбышева - МАКСИМОВУ-ДИКОВСКОМУ В.А.

Все названные подсудимые признали себя виновными в предъявленном обвинении. Однако, имеющиеся материалы свидетельствуют о том, что эти признания являются несостоятельными.

Так, ПЛЕТНЕВ, признавший на следствии и в суде свою вину в организации по заданию Ягоды умерщвления А.М.ГОРЬКОГО и В.В. КУЙБЫШЕВА, после осуждения 11 июня 1939 года обратился к тов. В.М.МОЛОТОВУ со следующим заявлением:

"Я осужден по делу Бухарина. Я на следствии признал предъявленные мне обвинения и на суде я не отрекся от них. Я был оклеветан. Обвинение, выставленное против меня, ложно. Мое сознание было вынужденным. Но я не считал возможным сделать об этом заявление на суде подобно Крестинскому. Я нахожусь в тюрьме уже с декабря 1937 года. Я страдаю морально в предельной степени. Здоровье мое резко ухудшилось. Мне уже 66 лет. Пунктом, на котором строилось обвинение, было свидание с Ягодой, на котором он будто бы угрозами мне и моей семье потребовал моего участия в умерщвлении Горького. Этого свидания ни в августе, ни в июне по последующей версии, никогда не было. Ягоду я вообще видел только один раз в жизни

во время приступа у него грудной жабы. Видел его я консультативно. Никаких разговоров с Ягодой у меня не было, кроме как о его болезни. Я всю жизнь с октября 17 года был верен советской власти и отдавал под руководством партии все силы и знания моей Родине. Теперь я всего этого лишен. Я клянусь всем светлым для меня в своей невинности. Я прошу о пересмотре моего дела. Прошу меня для этого опросить или предоставить мне возможность подать в закрытом конверте подробное заявление".

(наблюдательное производство №7343-9, л.д.6)

Заявление это Секретариатом тов. МОЛОТОВА В.М. было переслано Берия.

В последующее время ПЛЕТНЕВ неоднократно еще обращался с аналогичными заявлениями. По поводу одного из них быв. Прокурор СССР БОЧКОВ сообщил в Секретариат товарища В.М. МОЛОТОВА:

"Доводы, изложенные в жалобе ПЛЕТНЕВА Д.А., и в частности его отказ от своих показаний, являются провокационной вылазкой и продолжением вражеской работы... В пересмотре дела отказано, о чем Плетневу Д.Д. сообщено".

(Наблюдательное производство, №7343-9, л.д.26)

В подтверждение обвинения в убийствах, выдвинутого против ЯГОДЫ, ПЛЕТНЕВА, ЛЕВИНА, КАЗАКОВА, КРЮЧКОВА, БУЛАНОВА и МАКСИМОВА-ДИКОВСКОГО, в суд были вызваны, как эксперты, видные деятели медицины профессор ВИНОГРАДОВ В.Н., профессор ШЕРЕШЕВСКИЙ Н.А. и другие, которые дали заключение о том, что ГОРЬКИЙ, МЕНЖИНСКИЙ, КУЙБЫШЕВ и ПЕШКОВ погибли в результате применявшихся к ним ПЛЕТНЕВЫМ, КАЗАКОВЫМ и ЛЕВИНЫМ заведомо неправильных методов лечения.

В отношении покушения на Ежова эксперты сделали такой вывод:

"...следует считать абсолютно доказанным, что было

организовано и выполнено отравление Н.И.Ежова ртутью через дыхательные пути, что явилось наиболее действенным и опасным методом хронического ртутного отравления".

(суд.производство, стр.547)

Профессор ВИНОГРАДОВ и профессор ШЕРЕШЕВСКИЙ, будучи опрошены в 1956 году, заявили, что никаких документов, подтверждающих факт неправильного лечения Куйбышева, Горького, Менжинского и Пешкова им представлено не было и что заключение они выносили только на основании показаний подсудимых, которые во всем признавали себя виновными.

Так, ВИНОГРАДОВ в частности указал:

"Заключения мною и другими экспертами давались на основании общих вопросов без предъявления какой-либо подробной документации (историй болезней с подробными дневниками, анализами и снимками). Таким образом, наши ответы на поставленные вопросы носили чисто теоретический характер. Утверждать подлинность этого факта на основании тех материалов, которые имелись перед нами, мы не могли".

ШЕРЕШЕВСКИЙ по этому поводу заявил:

"...наше заключение явилось производным от показаний обвиняемых и каким-либо дополнительным доказательством их вины служить не могло, поскольку документов медицинского характера, подтверждающих сам факт лечения больных именно таким образом, как об этом говорилось в показаниях обвиняемых, нам представлено не было".

Одновременно ШЕРЕШЕВСКИЙ и ВИНОГРАДОВ охарактеризовали ПЛЕТНЕВА, как выдающегося ученого с мировым именем. А в отношении ЛЕВИНА, обвиняемого в умерщвлении Горького, ШЕРЕШЕВСКИЙ сообщил:

"ЛЕВИН был лечащим врачом Горького и, насколько я знаю, безгранично любил его. Когда он говорил о нем, он просто преображался. И это никак не увязывается с его обвинением в умышленном умерщвлении А.М. Горького".

При проверке также выяснилось, что материалы о т.н. "отравлении" ЕЖОВА были полностью сфальсифицированы.

ФРИНОВСКИЙ об этом на допросе 16 апреля 1939 года показывал:

"НИКОЛАЕВ-ЖУРИД при моем участии и по указанию Ежова сфальсифицировал дело по так называемому ртутному отравлению Ежова. Дело это вел лично НИКОЛАЕВ. Ежов подал мысль о том, что он болеет от отравления, я и НИКОЛАЕВ за это ухватились и под большим нажимом добились об этом показаний от БУЛАНОВА, потом от курьера Ягоды..., а затем и от самого Ягоды.

НИКОЛАЕВ откуда то достал аптечную банку с ртутью, которую превратил в вещественное доказательство ртутного отравления Ежова. НИКОЛАЕВ же обеспечивал и соответствующее заключение экспертов об отравлении".

(Арх. дело 2975181, т. 2, л. д. 62).

Эти показания ФРИНОВСКОГО подтвердил и ЕЖОВ.

Проверкой по Государственному особому архиву СССР материалов, указывающих на связь проходящих по делу лиц с иностранными разведывательными органами, не обнаружено.

Лица, привлеченные к ответственности по этому делу, как и те, которые прошли по предыдущим открытым процессам, обвинялись в том, что свою преступную деятельность они проводили по указаниям ТРОЦКОГО. В связи с этим ТРОЦКИЙ в своей статье "Итоги процесса" 12 марта 1938 года писал:

"Из тех итогов, которые Вышинский должен подвести последней серии процессов, советское государство выступает как централизованный аппарат государственной измены. Глава правительства и большинство народных комиссаров (Рыков, Каменев, Рудзутак, Смирнов, Яковлев, Розентольц, Чернов, Гринько, Иванов, Осинский и др.); важнейшие советские дипломаты (Раковский, Сокольников, Крестьянский, Карахан, Богомоллов, Юренев и др.); все руководители Коминтерна (Зиновьев, Бухарин, Радек); главные руководители хозяйства (Пятаков, Смирнов, Серебряков, Лифшиц и пр.); лучшие полководцы и руководители Красной Армии (Тухачевский, Гамарник, Якир, Уборевич, Корк, Муралов, Мрачковский, Алкснис, адмирал Орлов и пр.); наиболее выдающиеся рабочие-революционеры, выдвинутые большевизмом за 35 лет (Томский, Евдокимов, Смирнов, Бакаев, Серебряков, Богуславский, Мрачковский); глава и члены правительства Российской советской республики (Сулимов, Варвара Яковлева); все без исключения главы трех десятков советских республик, т.е. вожди, выдвинутые движением освобожденных национальностей (Буду Мдивани, Окуджава, Кавтарадзе, Червяков, Голодец, Скрипник, Любченко, Нестор Лакоба, Файзулла Ходжаев, Икрамов и десятки других; руководители ГПУ в течение последних десяти лет — Ягода и его сотрудники; наконец, и это важнее всего, члены всемогущего Политбюро, фактической верховной власти страны: Троцкий, Зиновьев, Каменев, Томский, Рыков, Бухарин, Рудзутак, — все они состояли в заговоре

против советской власти, даже в те годы, когда она находилась в их руках. Все они, в качестве агентов иностранных держав, стремились разорвать построенную ими советскую федерацию в клочья и закабалить фашизму народы, за освобождение которых они боролись десятки лет.

В этой преступной деятельности премьеры, министры, маршалы и послы неизменно подчинялись одному лицу. Не официальному вождю, нет - изгнаннику. Достаточно было Троцкому пошевелить пальцем, и ветераны революции становились агентами Гитлера и Микадо. По "инструкции" Троцкого, через случайного корреспондента ТАСС, руководители промышленности, транспорта и сельского хозяйства разрушали производительные силы страны и ее культуру. По пересланному из Норвегии или Мексики приказу "врага народа", железнодорожники Дальнего Востока устраивали крушение воинских поездов и маститые врачи Кремля отравляли своих пациентов.

Вот какую поразительную картину советского государства вынужден дать Вышинский, на основании разоблачений последних процессов! Но здесь возникает затруднение... Если все узловые пункты аппарата заняты троцкистами, состоящими в моем подчинении, почему, в таком случае, Сталин находится в Кремле, а я в изгнании?"

(Арх. дело № 13005, т. 3, л. д. 308-309)

1У. Обстановка на следствии и в суде

Следствие по делу т.н. "антисоветского право-троцкистского блока" и рассмотрение его в суде проводилось в период 1937 и начала 1938 годов, характеризовавшемся массовыми репрессиями советских граждан, грубейшими нарушениями социалистической законности, жестокими избиениями подследственных и различными провокационными приемами, с помощью которых органы расследования вымогали от арестованных признания, а суды выносили заведомо необоснованные приговоры.

В силу того, что подавляющее большинство работников НКВД, имевших отношение к делу т.н. антисоветского право-троцкистского блока, были впоследствии расстреляны, исследовать в настоящее время полностью обстановку, в которой проводилось следствие по этому делу не представляется возможным.

Тем не менее, даже те, далеко не исчерпывающие материалы, добытые в процессе проверки, свидетельствуют о грубом произволе и провокациях, в результате которых добывались признания арестованных.

Ряд быв.сотрудников НКВД, допрошенных в ходе проверки, показали о существовании в 1937-1938 годах такого порядка, когда сам факт помещения подследственного в Лефортовскую тюрьму уже обязывал следователя избивать его. Ночью по кабинетам следователей ходил ЕЖОВ вместе с другими руководящими работниками и лично показывал как следует "добывать нужные" показания.

Допрошенный в 1956 г. быв.работник НКВД СССР АРОНСОН Я.А., принимавший участие в расследовании дела антисоветского право-троцкистского блока, по этому поводу показал:

"...Период конца 1937 года и начала 1938 года, когда велось следствие по данному делу, являлся периодом массового избиения арестованных. Я помню, как тогда в тюрьму часто приезжал, обычно ночью, ЕЕОВ и ходил по кабинетам следователей. Весь разговор его обычно сводился к следующему: "Кого допрашиваете, что дает? Дайте ему как следует!"

ЕЖОВА сопровождали ВЛАДИМИРСКИЙ и др., которые подчас сразу же показывали как нужно давать".

Работавшая в 1937-1938 г.г. начальником санчасти Лефортовской тюрьмы РОЗЕНБЛУМ А.А., будучи допрошена в 1956 г. заявила:

"Работая в санчасти Лефортовской тюрьмы, я видела многих арестованных в тяжелом состоянии после нанесенных им побоев на следствии, в частности, я оказывала медпомощь МАРЬЯСИНУ, который был жестоко избит на следствии.

В очень тяжелом состоянии находился в санчасти быв. сотрудник НКВД БЛАТ, который пытался покончить жизнь самоубийством, и который был также тяжело избит...

...КРЕСТИНСКОГО с допроса доставили к нам в санчасть в бессознательном состоянии. Он был тяжело избит, вся спина его представляла из себя сплошную рану, на ней не было ни одного живого места. Прележал, как я помню, он в санчасти дня три в очень тяжелом состоянии.

К ЯГОДЕ я заходила часто. Обычно он жаловался на сердце. ... один раз видела у него на лице под глазом большой кровоподтек".

Об избиваниях арестованных показали и другие бывшие сотрудники НКВД.

Так, свидетель ЛЕРНЕР Н.М., принимавший участие в допросах ЯГОДЫ, 2 июля 1956 года заявил:

"...ЯГОДА мне неоднократно жаловался о том, что его избивают на допросах. Я ему не верил и говорил ему об этом.

Однажды, это было в Лефортовской тюрьме, я допрашивал ЯГОДУ. Ко мне в кабинет зашли ЕЖОВ, ФРИНОВСКИЙ и КУРСКИЙ и по предложению ЕЖОВА я вышел из кабинета. Когда, спустя некоторое время, мне разрешили вернуться, я увидел на лице ЯГОДЫ синяк под глазом. ЯГОДА, показывая мне синяк, опросил меня: "Теперь вы верите, что меня бьют?".

Кроме того, также со следами побоев на лице я лично видел БУЛАНОВА".

Упомянутый выше АРОНСОН также подтвердил, что ему было известно об избиении на следствии арестованных РЫКОВА, ШАРАНГОВИЧА и ЯГОДЫ и показал:

"Лично сам я слышал жалобу на избиение от РЫКОВА. РЫКОВУ должны были проводить точную ставку с НИКОЛАЕВСКИМ. РЫКОВА привели первым, выглядел он жалко, подавленно. Не помню точно, я или ЛУЛОВ спросили у него: "В чем дело, почему вы так выглядите?" На это РЫКОВ ответил, это я очень хорошо запомнил: "Я пал духом", а на последующий вопрос, - Почему? - ответил: "Били"."

Как сообщил внутрикамерный агент "БЛАГИН", БЕССОНОВ говорил сокамерникам:

"Он, БЕССОНОВ, подписал пред'явленное ему обвинение потому, что иначе ему угрожали фашистской расправой. Будучи в Лефортово, он видел быв. членов ЦК, которые подверглись избиению во время следствия, при этом назван был ПТУХА, быв. член ЦК ВКП(б), ЛАВРЕНТЬЕВ, член ЦК и др. КРЕСТИНСКИЙ подвергался сильному избиению, он носил гипсовую повязку во время судебного процесса."

(арх. дело № 101492, т. 1, л. д. 27).

Приведенные выше показания об избиениях арестованных по делу антисоветского право-троцкистского центра, конечно, не раскрывают полностью всей картины, ибо данный период характеризовался наибольшим разгулом насилия в следствии и именно тогда избиения приобрели такой характер, что случаи убийства на допросах стали не единичными.

Свидетельница РОЗЕНБЛУМ А.А. по этому поводу показала:

"Врачом Лефортовской тюрьмы я работала с декабря 1936 г. по 31 января 1938 г. За этот период времени было зарегистрировано 49 человек, которые умерли в Лефортовской тюрьме от побоев и истощения."

(дело по обв. Анвельта).

Так были, как теперь установлено, убиты на следствии:
14 октября 1937 г. зав.отделом науки ЦК ВКП(б) БАУМАН К.Л.,
1 декабря 1937 г. нач.политуправления Наркомсовхозов, старший
большевик СОМС К., 11 декабря 1937 г. работник Коминтерна АН-
ВЕЛЬТ, 5 мая 1938 г. зам.нач. УНКВД Ленинградской области
СОСТЭ М.Я., 9 ноября 1938 г. Маршал Советского Союза БЛЮХЕР и др.

Следует отметить, что арестованных толкало на самооговор и оговор других не только прямое физическое, но и психическое насилие. Угрозы репрессии родных, угрозы побоев, доносящиеся крики избиваемых арестованных - все это использовалось следователями для получения "признаний".

Бывший следователь АРОНСОН об этом показал:

"Я лично мер физического воздействия к РАКОВСКОМУ не применял, очевидно потому он ничего и не показал мне о шпионаже, (в шпионаже РАКОВСКИЙ "признал" себя виновным у других следователей). Допускаю, что я мог применять к нему другие меры воздействия - меры психического порядка: угрозы к нему лично, угрозы арестом членов семьи. Мне помнится, в частности, что РАКОВСКОМУ было об'явлено об аресте его жены и судьба ее ставилась в зависимость от его показаний. Такова была система допросов арестованных, введенная в обязательном порядке тогдашним руководством НКВД СССР".

Сам РАКОВСКИЙ об обстановке следствия по его делу, как это видно из донесения агента "Дима" рассказывал в камере Орловской тюрьмы так:

"... когда вам чуть ли не с первого дня дают понять, что вы должны лгать на себя и на других, марать свое имя и честь, то вами овладевает бешенство, возмущение. Вы начинаете бороться, сопротивляться, но потом, когда вам говорят, как мне сказал АРОНСОН: "Старик, не выдержите, дайте показания", когда вам говорят, что уничтожат вашу семью, что вас расстреляют, вы сдаетесь.

Когда мне сказали, что мою жену посадят в Лефортово, я закричал и схватился за голову — это значило, что она умрет. Страх за семью, сознание, что посылаешь ее на смерть, страх и желание жить, полная безнадежность, а потом партийная автоматика, привычка подчиняться партии — заставляют лгать и делать чорт знает что. Все это ложь, тут во всех этих делах нет ни капли правды".

(арх.дело № 300956, т.9, л.д.321)

Далее он же говорил:

"Я катался из Бутырок в Лефортово, а из Лефортово на Лубянку. Я каждую ночь ждал расстрела. В Лефортове, в этом ужасном остроге, где были слышны крики пытаемых людей, стоны женщин, выстрелы во время расстрелов и постоянный шум авиамооторов, мне вдруг обрезали ногти — я понял, что меня хотят пытать. Вскоре меня вызвали ночью. Я предстал перед НИКОЛАЕВЫМ, АГАСОМ и еще одним типом, который у них осуществлял пытки. Когда я вошел, мне сказали, что я шпион. "Я шпион?" "Да, вы. И вы нам расскажете о вашей деятельности сами". Я понял, что это конец, что единственный путь к спасению ведет через максимальное обвинение себя. Это диалектика... Тут пошло все — и японцы, и англичане. Я иногда запутывался сам в том, что я наговорил".

(там же л.д. 322).

БЕССОНОВ, отбывая наказание в тюрьме, категорически отрицал свою вину, а о причинах, толкнувших его на ложные показания, говорил так:

"Допрашивавший меня сначала лейтенант, а затем майор гообезопасности предупредили, что, если я не дам нужных им показаний, то сделают из меня котлету. И действительно, спустя несколько дней меня вызвали поздно вечером в какую-то, доселе неизвестную мне, комнату. Там уже было 5 молодцов, а на столе лежали необходимые принадлежности —

резиновая дубинка, перчатки, палка и еще что-то.

Майор, потирая руки, спросил меня о показаниях, а я, увидев это, перетрусил немного, т.к. об избиениях до смерти я уже знал... Решил врать. Ну и стал, таким образом, контрреволюционером. А суд ведь был сплошной комедией".

(там же т.П, л.д.61)

Ярко о системе побоев, угроз, шантажа и провокации сообщал из тюрьмы и осужденный врач ПЛЕТНЕВ. В заявлении от 8 июня 1940 г. он писал:

"Три года я мытарюсь от следствия к следствию, от суда к суду, из тюрьмы в тюрьму при полной моей невинности ...

... дело об умерщвлении ГОРЬКОГО и КУЙБЫШЕВА. Я обращался к вам по поводу него, но следственный аппарат не допустил никакого разговора по этому поводу, настаивая несколько раз на взятии назад мной заявлений, чего я не сделал.

... дело возникло по показанию ЯГОДЫ, который, по личному его заявлению, вызвал меня к себе в половине августа 1934 года и угрозами потребовал от меня соучастия с доктором ЛЕВИНЫМ в умерщвлении ГОРЬКОГО. На мое отрицание этого факта, со стороны следователя ГЕРЗОНА последовало мордобитие. Я указал, что этот факт не мог иметь места, так как я с 20 июля 1934 года по начало октября был в заграничной командировке. На следующий день справками из паспортного отдела ... мои слова были подтверждены и установлен факт моего алиби в августе 1934 года. Тогда следователь мне сказал: "Если высокое руководство предполагает, что вы виновны, то хотя бы вы были на 100% правы, вы будете все равно виновны на 100%". Последовали угрозы мне, жене и, наконец, предложена альтернатива начальником СПО ЛИТВИНЫМ, начальником следственной части КАГАНом и следователем ГЕРЗОНОМ, или при моем упрямстве пожизненное заключение в тюрьме и смерть в ней, или при "сознании" подача заявления "об уточнении" времени свидания с ЯГОДОЙ

в июне 1934 года, а я ЕГОДУ вообще видел первый раз в жизни в 1935 году - и через 2-3 месяца после суда полное освобождение и научная работа - одним словом, "повторение судьбы РАМЗИНА". Это же косвенно было подтверждено ЕЖОВЫМ. Результат известен. Я настолько доверял органам правительства, что мне и в голову не могла придти мысль о лжи и шантаже со стороны кого-нибудь, тем более члена Политбюро... Помогите мне, ведь я невинно погибаю. Только прошу Вас лично заинтересоваться, а не передавать в следственный аппарат. Там царит предубежденность. Если НКВД взял, значит виновен. Поставьте себя на момент в мое положение и вы увидите всю глубину моего страдания. Верьте мне. Я еще многое мог бы сказать в свое оправдание..."

(тюремное личное дело, л.д.206-207).

"Обработка" арестованных по делу право-троцкистского центра не прекращалась ни днем, ни ночью. На допросах этим занимались следователи, а в камерах специально подсаженные люди. Об одном из таких людей РАКОВСКИЙ, после его осуждения, рассказывал сокамерникам:

"В Лефортово ко мне посадили ЛИБЕРМАНА... Мне давали писать показания в камеру. Когда я их приносил, то, если, они им не нравились, они рвали их и бросали мне в лицо. Когда же я консультировался с ЛИБЕРМАНОМ, то мои показания всегда удовлетворяли следователей. Он служил передаточной инстанцией, он диктовал мне их волю, через него я спрашивал их совета..."

В конце концов, мне было все равно, я ведь лгал и он не мог мне повредить, а наоборот - облегчал мой труд".

(арх.дело 300956, т:9, л.д.324).

Определенный интерес в этом отношении представляет судьба быв.нач.5 отдела УНКВД по Саратовской области ЗАРИЦКОГО Н.Д.

ЗАРИЦКИЙ был арестован за грубую фальсификацию следствен-

ных материалов, фабрикации фиктивных доказательств якобы подтверждавших наличие не существовавшей в действительности организации правых (это в то-то время!). По существу обвинения ЗАРИЦКОГО не допрашивали, ограничившись отобранием заявления и осудили к 2 годам лишения свободы, а затем подсаживали к другим арестованным. Он сидел последовательно в одной камере с быв.секретарями обкомов партии КАБАКОВЫМ, РЫНДИНЫМ, ХАТАЕВИЧЕМ, а потом в течение 4-5 месяцев вдвоем с БУХАРИНЫМ.

После того как БУХАРИНА расстреляли, дело ЗАРИЦКОГО без всякого исследования было пересмотрено. Приговор отменили, а ЗАРИЦКОГО восстановили в партии и на оперативной работе в органах НКВД.

Подобные поощрения арестованных за "заслуги" по разоблачению правых были не единичны.

Так было прекращено дело по обвинению АСТРОВА, называвшего себя активным участником контрреволюционной террористической организации правых, который одним из первых стал изобличать БУХАРИНА, в том числе и на очных ставках в Политбюро ЦК ВКП(б).

Так была сохранена жизнь РАДЕКУ и СОКОЛЬНИКОВУ, формально не менее виновным, чем их однодельцы, которые еще до ареста БУХАРИНА и РЫКОВА явились свидетелями обвинения против них.

Из имеющихся в архивах КГБ материалов видно, что СОКОЛЬНИКОВ осенью 1937 года из тюрьмы был доставлен в Москву для использования в качестве свидетеля на предстоящем процессе БУХАРИНА, РЫКОВА и других, но в связи с его отказом выступить в суде, возвращен обратно.

Когда же СОКОЛЬНИКОВ и РАДЕК стали в тюрьме разоблачать фальшь прошедших процессов, их убили.

С этой же целью был отменен приговор в отношении МАНЦЕВА, который будучи осужденным к расстрелу, стал давать показания о причастности БУХАРИНА в 1918 году к заговору левых эсеров и его намерении арестовать ЛЕНИНА, СТАЛИНА и СВЕРДЛОВА. После процесса по делу право-троцкистского блока без каких-либо дополнитель-

ных следственных действий, МАНЦЕВ был вновь осужден и тогда расстрелян. Ныне он полностью реабилитирован.

О том как арестованные давали признания по заказу следователей ясно видно из показаний бывшего сотрудника НКВД ЦЕРПЕНТО П.И.

"Летом 1937 года АНТИПОВА допрашивал лично ЛИТВИН... В этом протоколе допроса было записано, что АНТИПОВ в сентябре 1936 года получил от РЫКОВА указание о создании резервного центра правых. Когда эти показания были предъявлены РЫКОВУ, то РЫКОВ категорически отрицал встречу с АНТИПОВЫМ в сентябре 1936 года и настаивал на том, что это было в 1932 году.

Тогда ЛУЛОВ в моем присутствии уговорил РЫКОВА подтвердить показание АНТИПОВА, сказав, что ему, РЫКОВУ, выгодно так показывать...

В период подготовки процесса над РЫКОВЫМ, БУХАРИНЫМ и др. (в конце 1937 года) мне от ГЛЕБОВА стало известно, что теперь АНТИПОВ пишет совершенно новые показания, в которых, в частности, говорит о том, что резервный центр правых был создан в 1932 году. Тогда же ГЛЕБОВ мне предложил в соответствии с этими новыми показаниями передопросить РЫКОВА.

Когда же я выразил удивление тому, что АНТИПОВ сумел обвести ЛИТВИНА, дав ему не соответствующие, ложные показания, ГЛЕБОВ мне сказал, что удивляться тут нечему, так как АНТИПОВ такого рода арестованный, который готов дать любые показания и в любом направлении.

По распоряжению ГЛЕБОВА перед процессом мне пришлось уговаривать РЫКОВА признать свои первые показания, в которых говорилось о создании резервного центра правых в 1932 году, а не 1936 г."

(арх.дело № 982027, т.1, л.д.222-223).

Как далее показал ЦЕРПЕНТО, РЫКОВ, подписывая один из новых вариантов "своих" показаний, заявил:

"Один советует не показывать на АНТИПОВА, а другой (т.е. я) требует показаний на него. Не знаю кого слушать".

(арх.дело № 982027, т.1, л.д. 30-31).

Как известно, на первом же заседании Военной Коллегии Верховного Суда СССР 2 марта 1938 года арестованный КРЕСТИНСКИЙ не признал себя виновным и отказался от тех показаний, которые им были даны на следствии. При этом КРЕСТИНСКИЙ прямо сказал, что показания он ранее давал не добровольно и на следствии не отказывался от них только из опасения, что его заявление не дойдет до руководителей партии и правительства. (суд.отчет стр.54,58).

Этот отказ вызвал смещение среди членов Военной Коллегии и суд об'явил перерыв. Однако, на следующий день КРЕСТИНСКИЙ вновь подтвердил показания, данные им на следствии и сказал, что накануне он якобы машинально заявил о своей невинности под влиянием чувства ложного стыда.

(там же отр.146).

Проверкой установлено, что в процессе следствия КРЕСТИНСКИЙ давал показания, подвергаясь зверским избиениям, и, следовательно, отказ его от этих показаний в суде имел под собой реальную почву.

Об обстоятельствах, связанных с показаниями КРЕСТИНСКОГО в суде, быв.сотрудник НКВД СССР АРОНСОН показал:

"Я, как и многие другие сотрудники, присутствовал на судебном процессе. На первом же заседании КРЕСТИНСКИЙ отказался от ранее данных им показаний и заявил о своей невинности. Это заявление вызвало замешательство у ВЫШИНСКОГО, который руководил процессом.

В перерыве мы, следователи, обсуждали происшедшее и говорили о том, как выйти из этого положения. НИКОЛАЕВ (вел дело РАКОВСКОГО) тогда сказал, что он попробует уладить инцидент. Когда обвиняемых везли с суда, КРЕСТИНСКОГО повезли вместе с РАКОВСКИМ. На следующий день КРЕСТИНСКИЙ признал себя виновным и подтвердил все ранее данные им показания. Я думаю и так потом говорили следователи, что КРЕСТИНСКОГО не били, а его уговорил РАКОВСКИЙ. Рассказывали, что РАКОВСКИЙ, который имел вообще большое влияние на КРЕСТИНСКОГО, говорил ему примерно так: "Нужно признать вину, все признают себя виновными, а на непризнающегося суд будет смотреть как на не раскаявшегося врага и бесспорно расстреляют, тогда как за признание сохраняют жизнь. У признавшегося семья не пострадает, а при отказе она будет также репрессирована". Это так повлияло на КРЕСТИНСКОГО, что он до конца процесса уже не пытался отказываться от показаний, данных на следствии".

Характерно в этой связи и поведение на суде государственного обвинителя ВЫШИНСКОГО. Когда суд вызвал для допроса КРЕСТИНСКОГО, ВЫШИНСКИЙ не допустил его немедленного допроса и предварительно задал ряд вопросов именно РАКОВСКОМУ.

КРЕСТИНСКИЙ стал допрашиваться лишь после того, как РАКОВСКИЙ подал ему пример — признал себя полностью виновным и назвал КРЕСТИНСКОГО своим сообщником.

Особо тщательно органами следствия готовились арестованные к суду и очным ставкам, которые проводились при участии руководителей партии и правительства. Здесь все делалось строго по разработанному плану, арестованные неоднократно репетировали "свои" показания.

Как известно, некоторым лицам из числа проходящих по делу право-троцкистского блока еще до их привлечения к уголов-

ной ответственности давались очные ставки, на которых ранее арестованные изобличали их в совершении тяжких государственных преступлений.

Из показаний арестованного быв. зам. наркома внутренних дел СССР ФРИНОВСКОГО видно, что на эти очные ставки выводились специально проинструктированные арестованные,

ФРИНОВСКИЙ об этом показал:

"Арестованных готовили специально, вначале следователь, после начальник отдела. Подготовка заключалась в зачитке показаний, которые давал арестованный на лицо, с которым предстояла ставка, об'ясняли, как очная ставка будет проводиться, какие неожиданные вопросы могут быть поставлены арестованному и как он должен отвечать.

По существу происходил сговор и репетиция предстоящей очной ставки. После этого арестованного вызывал к себе ЕЖОВ, или делал вид, что он случайно заходит в комнату следователя, где сидел арестованный, и говорил с ним о предстоящей ставке, спрашивал, твердо ли он себя чувствует, подтвердит ли, и, между прочим, вставлял, что на очной ставке будут присутствовать члены правительства.

Обыкновенно ЕЖОВ перед такими очными ставками нервничал, даже и после того, как разговаривал с арестованным. Были случаи, когда арестованный при разговоре с ЕЖОВЫМ делал заявление, что его показания неверны, он оклеветан".

(арх. дело № 975181, т. 2, л. д. 37-38).

Перед судом подготовка арестованных шла по двум направлениям. С одной стороны, путем разных обещаний, (как правило - сохранения жизни), уговаривали твердо стоять на определенных показаниях. С другой стороны - заранее формулировались ответы арестованных и последние опять-таки репетировали их.

Тот же ФРИНОВСКИЙ об этом показал:

"Долго говорил он (ЕЖОВ) о ЯГОДОЙ, разговор этот касался, главным образом, убеждения ЯГОДЫ в том, что его не расстреляют.

ЕЖОВ несколько раз беседовал о БУХАРИНЫМ и РЫКОВЫМ и тоже в порядке их успокоения, заверял, что их ни в каком случае не расстреляют.

Раз ЕЖОВ беседовал о БУЛАНОВЫМ, причем беседу начал в присутствии следователя и меня, а кончил беседу один на один, попросив нас выйти. Причем БУЛАНОВ начал разговор в этот момент об отравлении ЕЖОВА. О чем был разговор ЕЖОВ мне не сказал. Когда он попросил зайти вновь, то говорил: "Держись хорошо на процессе, буду просить, чтобы тебя не расстреливали".

(арх.дело № 975181, т.2, л.д.39).

РАКОВСКИЙ об этом же рассказывал в Орловской тюрьме:

"Когда шел процесс, то следователи не покидали меня, обнадеживали, говорили о том впечатлении, которое на меня производила эта гнусная комедия".

(арх.дело № 300956, т.7, л.д.325).

Допрошенный в качестве свидетеля бывший сотрудник НКВД ЛЕРНЕР, который был причастен к расследованию этого дела, на допросе в июле 1956 года показал:

"Следствие по делу ЯГОДЫ я не вел до конца, последние 6-8 месяцев я занимался другими делами и отношения к следствию по делу не имел.

Однако, когда начался процесс, очевидно, учитывая, что у меня с ЯГОДОЙ наладились неплохие взаимоотношения, по указанию руководства Наркомата, я присутствовал на всем судебном процессе и в перерывах его играл с ЯГОДОЙ в шахматы...

Во время процесса, вернее во время перерывов процесса, ЯГОДА часто спрашивал у меня, расстреляют его или нет.

Мне также известно, что перед процессом ЯГОДЕ было дано свидание с его женой АВЕРБАХ. Причем, еще ранее, по указанию руководства Наркомата, я неоднократно заявлял ЯГОДЕ о том, что его жена находится на свободе, хотя в действительности она была арестована.

Поэтому, перед свиданием, жену ЯГОДЫ переодевали и приводили в такое состояние, чтобы создать впечатление, что она на свидание пришла не из тюрьмы, а будто бы она находится на свободе. Для этого камуфляжа специально пригласили парикмахера, который приводил ее в порядок, надевали на нее соответствующие наряды и вернули ей на это время изъятые ранее у нее ее ручные часы.

Со слов быв. начальника УНКВД Ленинградской области ЛИТВИНА мне известно, что ЯГОДУ расстреливали последним, а до этого его и БУХАРИНА посадили на стулья и заставили смотреть, как приводится в исполнение приговор в отношении других осужденных".

После осуждения РАКОВСКИЙ рассказывал своим сокамерникам:

"Тезисы моего выступления на суде, моего последнего слова, я согласовывал со следователями... Последнее время все было к моим услугам вплоть до маслин".

(арх. дело № 300956, т. 7, л. д. 325)

Этот рассказ РАКОВСКОГО находит полное свое подтверждение в архивных документах НКВД. Причем из них видно, что такое положение имело место не только в отношении РАКОВСКОГО, но и в отношении других обвиняемых по настоящему делу.

Так, в архивных делах на РАКОВСКОГО и ГРИНЬКО обнаружены отпечатанные на машинке тезисы их будущих показаний в суде. При сличении этих тезисов с показаниями, которые РАКОВСКИЙ и ГРИНЬКО давали в суде, выяснилось, что они тождественны в структурном и смысловом отношении, а отдельные фразы из них почти дословно повторяются в стенограмме судебного заседания.

Более того, в этих же архивных материалах были обнаружены и проекты "последних слов" подсудимых РАКОВСКОГО, РЫКОВА

и ГРИНЬКО, а в материалах на РАКОВСКОГО оказалось даже два варианта "его" последнего слова в суде.

Как установлено проверкой, фальсификация документов следственного дела не ограничилась следствием, а продолжалась и в суде.

В архиве Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР обнаружена расшифрованная стенограмма судебного заседания по делу антисоветского право-троцкистского блока с различными рукописными поправками и вставками.

Изучение этой стенограммы и сличение ее с официальным текстом протокола судебного заседания показывает, что зафиксированные в суде показания впоследствии были изменены, причем в ряде случаев эти изменения носили характер усиления и извращения показаний подсудимых.

Так, показания подсудимого БЕССОНОВА о его встрече с ТРОЦКИМ в 1934 году при корректировке были дополнены следующей фразой: "ТРОЦКИЙ сказал, что он очень хорошо знает меня по письмам ПЯТАКОВА и по рассказам Н.Н.КРЕСТИНСКОГО", чем изменялось не только существо показаний БЕССОНОВА, но прямо указывалось на наличие у ТРОЦКОГО связи с ПЯТАКОВЫМ и КРЕСТИНСКИМ, о чем в данном случае БЕССОНОВ и не показывал.

Во время допроса ЯГОДЫ в суде вопрос о его виновности в организации убийства КУЙБЫШЕВА, как это видно из стенограммы, вообще не выяснялся.

Тем не менее стенограмма была дополнена следующим:

"ВЫШИНСКИЙ: В организации убийства КУЙБЫШЕВА признаете себя виновным?"

ЯГОДА: Признаю".

В последнем слове подсудимый РЫКОВ заявлял:

"...я вел в 1935 году разговор с КОТОВЫМ, возглавлявшим террористические организации в Москве".

В результате корректировки эта фраза в последнем слове РЫКОВА оказалась записанной так: "Я в 1935 году давал задание

по террору КОТОВУ, возглавлявшему террористические организации в Москве".

Этими же редакторами из стенограммы было удалено заявление РЫКОВА о том, что ШАРАНГОВИЧ, как участник контрреволюционной организации, стал ему известен только на судебном процессе.

Подобного характера изменения были внесены и в показания других лиц, а затем эта искаженная стенограмма, завизированная заместителем Прокурора СССР РОГИНСКИМ, была издана как официальный текст протокола судебного заседания Военной Коллегии Верховного Суда СССР.

В связи с установленными фактами грубого нарушения закона при расследовании дела о право-троцкистском центре как в процессе предварительного следствия, так и в суде представляет значение и тот факт, что все оставленные в живых обвиняемые впоследствии от своих показаний отказались и рассказывали о процессе как о сфальсифицированном следствии и судом. Все они (РАКОВСКИЙ, БЕССОНОВ и ПЛЕТНЕВ) 11 сентября 1941 года были расстреляны по приговору Военной Коллегии, которая грубо нарушив закон, вынесла этот приговор не только без вызова обвиняемых в суд, но даже не имея никакого дела по их обвинению.

Таким образом в результате анализа всех материалов дела и дополнительной проверки можно утверждать, что большинство из осужденных по настоящему делу лиц в свое время принимало активное участие в оппозиционной борьбе, однако обвинение их в том, что в последующие годы они создали право-троцкистский блок и проводили организованную антисоветскую деятельность сфальсифицировано и в этой части они подлежат реабилитации.

Некоторые обстоятельства, вмененные в вину отдельным обвиняемым, так например, причастность к охране ЗУБАРЕВА, ЗЕЛЕНСКОГО и ИВАНОВА, националистическая деятельность ИКРАМОВА и ХОДЖАЕВА и т.д., подлежат дополнительной проверке.